

МУЗЫКА КРЫЛЬЕВ

ДЭВИД АЛМОНД

ПЕРЕВОД ОЛЬГИ ВАРШАВЕР

МИО

МИФ Подростки

Дэвид Алмонд

Музыка крыльев

«Манн, Иванов и Фербер (МИФ)»

2021

УДК 821.111-93
ББК 83.84:84(4Вел)-445

Алмонд Д.

Музыка крыльев / Д. Алмонд — «Манн, Иванов и Фербер (МИФ)», 2021 — (МИФ Подростки)

ISBN 978-5-00-195483-5

Городская девочка, отважная бунтарка Сильвия, приезжает на север Англии, в деревню. И всё вокруг кажется ей чужим и враждебным, а вересковые пустоши и бескрайнее пустое небо навевают тоску. Она стремится обратно в Ньюкасл – туда, где работает телефон, где её ждут друзья. Всё меняется в одночасье, когда Сильвия знакомится с юношей по имени Габриель... Эта книга – важный разговор о том, как, прикоснувшись к прошлому, можно найти себя настоящего. Вот и Сильвия: она ощущает себя частью природы, наполняется её могучей силой и возвращается в город, готовая не просто выживать в современном мире, а менять его, делать лучше и совершеннее. Дэвид Алмонд, лауреат премии Андерсена и обладатель медали Карнеги, уже классик, но пишет он сегодня, сейчас – из самого сердца нашего мира. Для детей среднего и старшего школьного возраста, а также для взрослых ценителей хорошей литературы. На русском языке публикуется впервые.

УДК 821.111-93
ББК 83.84:84(4Вел)-445

ISBN 978-5-00-195483-5

© Алмонд Д., 2021
© Манн, Иванов и Фербер
(МИФ), 2021

Содержание

Музыка крыльев: повесть	6
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Дэвид Алмонд

Музыка крыльев

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Original title: Bone Music

Text copyright © David Almond, 2021

© Ольга Варшавер, перевод на русский язык, 2022.

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2022

* * *

Посвящается Фрейе

Музыка крыльев: повесть

Она проснулась в ночи. Проснулась или спит? Что это за звуки? Зверь на луну воет? Ночная птица голос подаёт? Заблудшая душа по болотам бродит? Или всё-таки это сон? А может, она сама – призрак?

Что за дикие, что за странные звуки? Музыка?

Сильвия встала с узкой кровати и, приоткрыв тонкие шторы, осторожно выглянула в окно.

Никого. Повсюду тьма.

Тьма улицы под окном, тьма окрестных холмов, тьма леса за околицей. Лишь огни далёкого хутора, бледное сияние неба на горизонте, необъятность звёзд.

Странные звуки стали тоньше, лиричнее. Дудочка? Флейта? Птица? Музыка пронзила её насквозь. Закружилась голова. Она прищурилась, вгляделась во тьму.

Тьма.

Казалось, эта музыка снилась ей когда-то прежде, жила в ней прежде – однажды проникла и поселилась внутри неё, в каждой клетке. Она эту музыку уже слышала. Но как? Когда? Невозможно.

Прекрати, Сильвия, сказала она себе. Не сходи с ума.

Она снова взглянула вверх – на звёзды, на галактики, на огромные спирали и скопления света. Вселенная кружится, танцует, мчит сквозь время. Почему всё такое огромное? Почему она такая маленькая?

Как её занесло сюда, в это пустынное древнее место?

Музыка споткнулась, превратилась в неровную череду стонов и писков, словно не сумела уберечь мелодию. Откуда она исходит? Что за тень колышется на краю леса? Человек? Человек уходит с опушки и вот-вот скроется в чаще? Это сон или явь?

Музыка смолкла, но продолжала жить в ней – отбивать свой причудливый ритм.

В чёрных мерцающих небесах плыла крошечная точка. Звёздочка?

Какого чёрта, мама? Зачем ты меня сюда притащила?

Что за дикий край? Что за безумные звуки?

Нет ответов.

Она отошла от окна, снова легла.

Проверила телефон. Связи тоже нет.

Как же ей хочется в город! В город, где есть связь.

Прекрати, Сильвия, сказала она себе. Успокойся. Пару недель перетерпишь. Пару жалких недель.

Она закрыла глаза.

Мысли в голове кружились всё медленнее, медленнее.

Она заснула.

– О, дочь пробудилась! Как спалось?

Утро. Мама на кухне, насыпает мюсли в плошки. На столе йогурт, миска с ягодами, кофейник. Мама берёт его в руки и, крутанув пару раз, наливает кофе, а сверху – спиралью – выписывает молочный узор. Из чашек поднимается восхитительный ароматный пар.

Мама подошла к ней. Обняла.

– Кажется, Сильвия у нас нынче не в духе?

Сильвия пожала плечами.

– Типа того.

Придвинув к себе плошку, она принялась перемешивать мюсли и ягоды – круг за кругом.

На полу коробки: они привезли всю еду с собой. Тут же – ящик красного вина¹. И мамы альбомы, карандаши, краски, кисти, ножи, палитры и холсты. У стены пара мольбертов. Незаконченная картина – на картине пустыня. Фотографии рассыпью.

– Ты слышала что-нибудь? – спросила Сильвия.

– Что «что-нибудь»?

– Ночью. Типа музыки.

– Ничегошеньки не слышала. Спала как младенец.

– С чего бы вдруг?

– Тут настоящая темнота и тишина. Способствует.

– От папы нет вестей?

– За папу не волнуйся. Ему и без нас хорошо. Пьёт, наверное, со своими друзьями в пятизвёздочном отеле. Так-так, замри на минуту!

– Что?! Мама, не вздумай!

Мама схватила карандаш и альбом – линия, штрих, ещё и ещё. набросок.

– Подбородок чуть выше, – скомандовала она.

– Нет!

– Ну я же должна с чего-то начать. Иначе я вообще забуду, как это делается. Потерпи, а?

Сильвия нахмурилась.

– Да-да, хмурься, это выразительно, – сказала мама. – Теперь замри.

– Мама!

– Сильвия, успокойся. Если будут новости, они до нас долетят. Мы же не на Луне и не во Внешней Монголии, верно?

– Допустим.

– До Ньюкасла меньше часа езды! Какая была музыка?

Сильвия пожала плечами.

– Не знаю. Может, и не было никакой. Приснилось.

Она взглянула в окно. Бледные дома на другой стороне узкой улочки, солнечный свет, опушка леса, далёкий тёмный контур холма. Мимо пролетает чёрная птица, потом ещё одна, ещё. А теперь десятки птиц, намного выше – они там тупо кружат. И небо, небо, тупо-бескрайнее небо.

– Здесь всегда музыка, – сказала мама. – Волынщики, скрипачи. Может, танцы кто затеял.

Сильвия вздохнула.

¹ Употребление алкоголя вредит здоровью и недопустимо для детей.

Танцы? В этой глуши?

– Наверно я... – начала она и осеклась.

– Что? Есть план?

Сильвия снова нахмурилась. Да, точно. Надо понять, что ей тут делать. Идти пешком обратно в город? Она встала, сняла пальто с крюка на двери. Нашла шарф. Широко раскинула руки, потянулась. Мама продолжала рисовать.

– Вот как раз и проверю план, мам. Открою дверь и пойду. Куда глаза глядят. А потом вернусь.

– Прекрасный план, детка. Гуляй. Только ботинки надень.

Ботинки? Ни за что. Она сунула ноги в выцветшие голубые кеды.

Мама снова обняла Сильвию. И Сильвия не отстранилась.

– Нам обеим на пользу пойдёт, – сказала мама. – Несколько дней в красивом месте. Без этих детей!

– Ты же их любишь!

– Господи, конечно, люблю! Но отдыхать-то надо! От всего и всех.

Сильвия замерла, сжала кулаки...

– Прости, мам, – сказала она. – Тебе тут лучше, я понимаю.

– Спасибо, моя хорошая. А теперь вперёд. Изучай окрестности.

Сильвия распахнула дверь.

Повеяло холодом. Надвинулось небо – то самое, бескрайнее.

Она вздохнула.

– Не заблудись, – тихонько сказала мама и, положив руку на спину Сильвии, подтолкнула её за порог.

Ну деревня – она и есть деревня. Два ряда дощатых домов: в основном поблёкшие, почти белые, но есть и весёленькие, жёлтые и оранжевые, а ещё уродские фиолетовые. Возле каждого – садик за низким штакетным забором. На ветру раскачиваются цветы. Машин почти нет: она насчитала одну легковушку, пару пикапов да пару белых фур – они ехали транзитом, без остановки. Зброшенная телефонная будка. Длинный приземистый деревянный сарай с вывеской «Блэквудский общинный дом». Видимо, местный клуб. Выцветшая афиша: на ней намалёваны скрипка и несколько труб. А вот рекламный плакат:

ВОССТАНОВИМ ПРИРОДУ СЕВЕРА
Вернётся ли к нам рысь?

Художник изобразил на лесной тропе эту самую рысь: уши торчком, пятнистый мех, голова повёрнута к зрителю.

Поперёк плаката – надпись от руки:

Ага! Ждём в гости льва, тигра и медведя!

Сильвия усмехнулась и пробормотала:

– Ещё антилопу гну, слона, муравьеда и кенгуру.

Она двинулась дальше – по единственной улице с глубокими колдобинами.

Дошла до серой бревенчатой часовни. Сланцевая крыша местами раскрошена, окна забиты досками, на дверях замки. Фронтон украшает старинное распятие с выдавшим виды

Иисусом: он повис на руке, на единственном оставшемся гвозде, и неуклюже покачивается на ветру. Под ним на стене надпись:

Он умер, чтобы мы жили

Дальше улица сужалась и превращалась в тропу, которая вела к тёмному лесу. На другом краю деревни угадывались бескрайние, залитые светом просторы. Сильвия направилась к свету. Прохожие попадались редко. Возле одного крыльца сидел в шезлонге бледный, до хрупкости древний старичок в белой кепке. Он приветственно поднял руку.

Она кивнула в ответ.

– Думаю, ты из Алленов, – сказал он.

В его голосе слышался акцент. Не местный. Европейский.

– Из Алленов? – Она растерялась.

– Даже не сомневаюсь.

Разумеется, он был прав. Аллен – девичья фамилия её матери.

– Ну да, – сказала она. – Так и есть.

Он глотнул что-то из полосатой кружки, стоявшей рядом на столике.

На оконном карнизе у него за спиной были разложены камни.

– Я Андреас Мюллер. – Старик смотрел на неё добрыми слезящимися глазами. – С возвращением.

Задерживаться она не стала. Разговаривать не хотелось. Даже имени своего не сказала в ответ.

Она пошла дальше. За домами оградка, за ней выжженный клочок земли со старыми ржавыми качелями. На них раскачивался ребёнок – не то мальчик, не то девочка. Скрип-скрип, скрип-скрип.

Она подумала о Максин. Максин обещала звонить. Она взглянула на телефон. Связи нет. Ну понятное дело: откуда в этой идиотской глуши возьмётся связь?

Высоко над головой кружили и надтреснуто кричали птицы.

Она пошла дальше. Дорога свернула на пустошь: там и сям рос папоротник, а на проплешинах темнел голый дёрн. Ни единой машины в поле зрения. За околицей от дороги ответвлялась тропа – стрелка указывала на север, в никуда. Ещё на этом указателе был изображён весёлый мультяшный пешеход. Она остановилась. Никогда прежде не забиралась она так далеко на север. Вереск, папоротник-орляк, можжевельниковые кусты в жёлтых цветах и овцы, овцы, миллион овец. Каменные заборы, ручьи. Несколько разрушенных каменных хижин – видно, тут прежде была деревня. Заброшенный фермерский дом, за ним стадо – быки и коровы. Пустоши, сопки или как там правильно называются эти чёртовы холмы? Дальше чёрные скалы, гранитные массивы с зубчатыми краями – они поднимались всё выше, выше и превращались в тёмные горные вершины на невероятно далёком горизонте.

И над всей этой пустотой – пустое, тяжёлое небо.

А сзади, за деревней, – тёмный и, похоже, бесконечный лес.

Тут родилась её мама. Сильвии твердили о здешних краях с раннего детства. Показывали пейзажи на фотографиях. Она прекрасно знала, как всё это выглядит. Но в детстве её сюда не возили. Она выросла в городе. Так зачем сейчас привезли?

Она зажмурилась. Сдержала слёзы.

Не тупи, Сильвия, сказала она себе. *Ты скоро вернёшься домой.*

– А давай ты будешь моей сестрой?

Она вздрогнула, повернулась.

Качели были пусты, а рядом с ней стоял мальчик в джинсах и белой рубашке. Всё-таки мальчик, только волосы длинные, льняные.

– Ну пожалуйста! – попросил он. – У меня ещё нет сестры.

– Да я тебя впервые вижу.
С какой стати она вообще ему отвечает?
– Это не важно, – сказал он. – Если бы сестра только родилась, я бы её тоже впервые увидел. И она меня.
– Иди отсюда.
Он не двинулся с места.
– Не буду я тебе сестрой, – сказала она. – Не буду. Отстань.
Он засмеялся.
Огромные голубые глаза. Сияют.
– У меня есть брат, – продолжил он. – Он и тебе будет братом.
– Не нужен мне брат. И ты мне не нужен. С какой стати?
– Его зовут Габриель, – произнёс мальчик. – И будем мы как в стародавние времена...
Стародавние времена? К чему он, чёрт возьми, клонит?
– ...когда все дети были вместе, – договорил он.
Она отвернулась и пошла по тропе, вслед за мультяшным пешеходом.
– Меня зовут Колин! – крикнул мальчик ей вслед.
Она не остановилась.
– А ты Сильвия Карр! – крикнул он. – Я знаю!
– Спасибо, что сообщил, – прошипела она себе под нос.
И не оглянувшись. Пошла дальше. Тропинка вела чуть вверх. А вдруг там, повыше, есть связь? Она подняла воротник, стянула его на шее. Ветер свистел в ушах, развеивал ей волосы. Земля мягкая, влажная. Наступишь – и из-под ног сразу засочится тёмная вода. В траве – шорохи. Над утёсом парит одинокий ястреб.
Далеко-далеко, низко над горизонтом, стрелой пролетел чёрный силуэт – самолёт. Такой красивый, такой изящный, такой стремительный, такой безмолвный – словно он и мухи не обидит.

Папа над мамой всегда подшучивал: дитя леса, дикарка, оленёнок, лиса – как он её только ни называл.
– А может, ты медвежонок? – говорил он. – Ведь, когда ты была маленькой, в вашей северной глуши водились медведи?
– Да! – отвечала мама. – И волки водились, и антилопы.
В раннем детстве Сильвия всему этому верила. Она хихикала и улыбалась, когда папа приподнимал ей пальцем подбородок и заглядывал в глаза.
– Ещё один зверёныш на мою голову, – говорил он. – Дикое дитя дикой мамы. Вижу разом и лисичку, и орлёнка. Похоже, я в этом доме единственный человек, носитель цивилизации.
По правде говоря, мама в этих краях прожила совсем недолго, неполный год. Изначально деревню выстроили, когда возрождали здешние леса. Дед Сильвии, мамин отец, работал в лесничестве: деревья сажали, выращивали, при необходимости прореживали, и теперь за околицей темнел один из самых больших лесов Нортумберленда. Но наступили иные времена. На смену людям пришла техника. Лесников поувольняли, и они – вместе с семьями – устремились в другие края, в новую жизнь. Дед открыл кондитерскую на Хитон-роуд. Сюда он так и не вернулся, до самой смерти.

Мама сюда тоже ни разу не приезжала. Только теперь решила ненадолго сбежать из города, заняться живописью. И дочь с собой прихватила.

Сильвия плотнее запахнула воротник. Связи нет. А Максин с Франческой сегодня вечером идут на джаз в клуб «Лайв». Там Микки на барабанах. Его первый настоящий концерт.

Вокруг что-то шуршало, топотало, царапалось. В траве плакал ветер. Зря она, конечно, не надела ботинки. Мама купила и привезла их сюда специально для прогулок. Её голубые кеды потемнели и начали чавкать и хлюпать при каждом шаге. Везде вода: поблёскивает в лужицах на тропинке, струится-искрится в ручьях, что стекают с холмов. Поднявшись выше, она увидела вдали плоскую тёмную поверхность Килдерского озера. К его берегам подступал тёмный густой лес.

Сзади шаги.

Опять этот мальчишка. Колин. Он запыхался. Видно, быстро шёл.

– Смотри, чего покажу! – сказал он.

Она хмыкнула.

– Не хочешь? – удивился он. – Смотри!

Он протянул руку, сорвал травинку, оторвал от неё кусочек, зажал между пальцами, поднёс к губам. И дунул.

Полусвист-полускрежет. Что ж ещё? Все мелкие так делают. Они с Максин тоже забавлялись в детстве.

– Слышишь? – сказал он.

Она промолчала.

– Хочешь попробовать?

Она промолчала.

– Меня брат научил.

На языке вертелось: *Иди отсюда*.

– Слушай ещё, – велел Колин.

Он снова дунул: запрокинул голову и выдал звук подлиннее и погромче, с переливами. А потом указал куда-то в пустоту.

– Слышишь? – спросил он. – Слышишь?

– Что надо слышать?

– Они отвечают.

– Кто?

– Птицы. Когда я это делаю, птицы в ответ подают голос. Вот это кроншнеп кричит.

– Да они всё время кричат.

– Не всё. Вот этого слышишь? Обычно он молчит, но мне всегда отвечает. Музыка тут творит чудеса.

– Понятно, – сказала она со вздохом.

– Так мой брат говорит. Он всех может заставить петь. У него и лисы поют, и барсуки, и олени. Тебе сколько лет?

– Что?

– Тебе примерно пятнадцать, да? И ему тоже. А мне всего девять. Я хожу в школу в Хексхэме. А он вообще в школу не ходит.

– И почему ты не в школе?

– Живот болит. И вообще, от школы тупеют. Сама знаешь.

– Да ну?

– Точняк. Там людям мусором голову набивают. Старьём и гнильём. А ты, небось, туда ходишь?

– Хожу.

– Беда мне с тобой. – Он снова свистнул через травинку. – Этому, небось, в школе не учат.

Она чуть не застонала вслух. Ну что взять с ребёнка?

– Брат говорит: если научиться здорово свистеть, можно позвать любого зверя. Вмиг прибежит.

Она удивилась.

– Волшебная травинка?

– Не только травинка. Тут много волшебного.

Он снова дунул.

Птицы пели, ветер плакал...

А далеко-далеко над холмами снова пронёсся самолёт. Мгновенно и бесшумно.

– Брат говорит, что можно и призраков в лесу увидеть, и мёртвых из-под земли вызвать.

Если умеючи.

Она покачала головой. С какой стати она вообще с ним разговаривает?

– Колин, отвяжись, – процедила она.

– И где он на этот раз?

– Кто «он»?

– Папка твой. Он же по всему миру шляется, фотки делает, да?

– Не твоя забота.

– Но где-то же твой папка есть? Не испарился пока?

Она молча буравила Колина взглядом.

– Боишься, что его убьют?

Она покачала головой. Закрыла глаза.

– Не бойсь. Не убьют.

Когда она снова открыла глаза, он уже спускался с холма к деревне, размахивая руками, словно в танце. Или в полёте. Копна светлых волос посверкивала на солнце.

Она долго смотрела ему вслед.

Потом тряхнула головой: надо же, в брата навязывается! Она никогда не хотела иметь брата. Ну, сестру – ещё куда ни шло. С сестрой, наверно, можно ужиться. На самом деле ей и одной хорошо. В детстве-то она порой мечтала о сестричке. Чтобы она появилась – откуда ни возьмись, прямо как Колин, – взяла её за руку и сказала: «А давай ты будешь моей сестрой?» И они вдвоём, рука в руке, пойдут гулять в Хитон-парк.

Она всё это вспомнила и засмеялась. Дети... они и есть дети. Что с них взять?

Она пошла дальше. Вверх.

Нет связи. Проклятье. Хотя... клин, что ли, на ней сошёлся, на этой дурацкой связи? Как она вообще устроена? Как голос Максина попадает в телефон, когда связь есть? Её голос что – витает в воздухе? Словно пение птиц или вой ветра? А потом втискивается в коробочку под названием «телефон»? Микки однажды сказал, что телефон похож на волшебную палочку. Взмах – и голос уже внутри. Взмах – и эсэмэска вылетела из него, точно птица.

Да, в сущности, волшебство. Но неужели на это способен только телефон? А ухо может поработать волшебной палочкой? А голова? Её ухо и её голова? Она закрыла глаза, наклонила голову, прислушалась.

– Максин, – прошептала она. – Я тебя зову. Максин, я хочу услышать твой голос.

Бре-е-ед.

Ещё неделя в этом захолустье, и крыша съедет напроочь.

Но она вслушивалась – снова и снова. Шептала, звала Максин – снова и снова. Вглядывалась в воздух и понимала, что увидеть воздух невозможно. Это пустое пространство. Ну, разумеется, там не совсем пусто, там полно всякой всячины: ветер, свет, шум, а может, и эсэм-эски, и...

– Ты точно свихнёшься, Сильвия, – сказала она вслух. – Причём очень скоро.

Она замерла, подняв руки над головой, растопырив пальцы в воздухе: сейчас она мачта, антенна, волшебная палочка.

– Приём! Приём! – повторяла она.

– Говори со мной, – шептала она. – Я тебя жду. Пожалуйста...

Воздух, казалось, вздрогнул. Раздался глухой грохот, похожий на отдалённый взрыв. Потом ещё один. Тишина. Она вгляделась в горизонт.

Ничего.

Всё. Ждать сигнала, надеяться на связь – дело зряшное.

Она вслушалась в пение птиц, в шелест травы.

Глубоко вдохнула, выдохнула.

Улыбнулась.

– А теперь, Сильвия, – сказала она себе голосом Максина и с интонациями Максина, – успокойся. Подумай обо всём этом с другого боку.

– Ладно, – ответила она себе и Максину. – Попробую.

Она огляделась.

И нехотя согласилась: да, вокруг действительно очень красиво.

Сорвала травинку.

Зажала меж пальцев, дунула.

Кроншнеп отозвался мгновенно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.